

Забияко А.П., Забияко А.А.

Магия, демонология и видения в религиозной культуре русских Трёхречья

Публикация подготовлена в рамках работы по гранту РФ «Этнические миграции как фактор цивилизационных взаимодействий и социокультурных трансформаций в Восточной Азии (история и современность)», проект № 14-18-00308

А.П. Забияко

А.А. Забияко

Аннотация. Статья посвящена изучению современного состояния православия в Трёхречье (Внутренняя Монголия, КНР). Статья является продолжением исследования, часть которого опубликована в статье «Народное православие русских Трёхречья» (№ 3, 2016, журнал «Религиоведение»). В основу статьи положены материалы полевых исследований 2015–2016 гг. Авторы отмечают, что в настоящее время значительная часть русских Трёхречья сохраняет приверженность православию и связь с русской религиозной культурой. В религиозной жизни русских Трёхречья сохраняются практики лечебной магии, знахарство. Лечебная магия соединяет христианскую веру во всемогущество Бога, в заступничество Богородицы, в покровительство святых и наследие архаической магии, колдовства. Аграрная и строительная магия почти утратили своё значение. Очень редко современные русские Трёхречья используют обряды гадания. В памяти людей хорошо сохранилась русская народная демонология. Фольклор русских Трёхречья включает в свой состав рассказы о видениях. Видения как тип религиозного опыта имеют важное значение для верующих. Современное состояние религиозной ментальности русских Трёхречья можно определить понятием «троеверие».

«Троеверие» русских Трёхречья – это синкретический тип религиозности, в котором соединились фрагменты православия, дохристианских славянских верований и китайских народных верований.

Ключевые слова: русское православие, народная религия, Россия, Китай, магия, колдовство, гадание, демонология, видения, религиозный синкретизм

DOI: 10.22250/2072-8662.2016.4.96-110

Трёхречье – район Северо-Восточного Китая, где на протяжении почти 150 лет живут русские и потомки русско-китайских браков. Статья является продолжением исследования, часть которого была опубликована в статье «Народное православие русских Трёхречья» (№ 3, 2016, журнал «Религиоведение»). В основу исследования положены материалы трёх экспедиций 2015–2016 гг. В предыдущей статье опубликованы сведения о населённых пунктах Трёхречья, где были собраны эмпирические материалы и наших собеседниках (информантах).

Полевые исследования авторов, а также публикации русских и китайских учёных, изучавших современных русских Трёхречья, обнаруживают, что в настоящее время значительная часть русских Трёхречья сохраняет приверженность православию и связь с русской религиозной культурой. В силу ряда объективных обстоятельств православная религиозность русского населения Трёхречья слабо соотнесена с церковным православием. В своём основном содержании она продолжает

традиции русского народного православия, в котором магические практики, демонология, видения играли большую роль.

Магические практика и ворожба

В настоящее время хранителями традиций народного православия среди русских жителей Трёхречья являются главным образом пожилые женщины. В первую очередь они помнят и практикуют магические обряды, среди которых лучше всего сохранилась, хотя и фрагментарно, лечебная магия, знахарство. Так было, по воспоминаниям трёхреченцев, и в прошлом: в деревнях лечили, «ладили», прежде всего, «бабушки».

«Ладилы русские бабушки. Как-то надо было жить, докторов не было, ладилы бабушки, хорошо было, жить же надо. Раньше всегда бабушки ладилы. Мать у Ивана всё ладила» [А. Первоухина].

«Мама много ладила: от испугу, змея укусит – это тоже умела, спина болит – на порог ляжешь, она нож возьмёт, всё порежет. Китайцы даже ходили с ребятишками ладить. Они спать-то плачат, мама свечку возьмёт, имя спросит, потом свечка растает, она в воду нальёт, выйдет кака [какое изображение]: глядит, на кого похоже: выйдет собачка, потом водой умоет, лицо вытрет, потом попить [даст].»

Один китаец ходил на речку, напугался, они ночью пойдут на речку, имя спросят, лопать [одежду] возьмут, имя ревут [кричат имя, которое слышалось]: "Иди домой, иди домой", потом домой придут, рубаху принесут, закроют. Так по-китайски.

Мама ладила. И взрослые ходили к маме, и дети. Занозки в руку зайдут, рука опухнет, она поладит, занозка потом сама выйдет» [И. Дементьев].

«Много кто ладил, Нюра была, Кешкина бабушка, тоже [ладила], умерла. Котина мать ладила, Федора. Федора много знала. Мать у Ивана бабничала – детишек принимала, у нас двое детишек – всё она приняла, в больницу не ходили. За то, что бабничала, давали мыло да полотенце. Когда больницы открыли, она принимать перестала, брат отговорил: ты, говорит, не ходи, нехорошо это. Она там помогала докторам. Сейчас Аня [сестра Ивана] там ладит, она много научилась, как старушка в Олочи, она много поёт песен по-русски, ладит и молит, много-много знает, она по-русски не училась, но вот как-то помнит» [А. Первоухина].

«Бабушка и мама говорили – раньше какой-то хомут надевали. Я же не видела, я слышала, люди говорят [надевание хомута или продевание сквозь хомут – старорусская целительская практика лечения, в особенности при простуде и лихорадке – Авт.].»

Ребятишки бегают, играют, вдруг брюхо заболел<о>, пошли – твёрдо как кушак, вот тут, пошли к бабушке, бабушка всё тут снимала, и не будет. Говорят, что правда, но я не видывала. Девчонка маленька была, у ней мать снимала [боль], они играют, она говорит: "Видишь, вот эта палочка, я сейчас скажу, она будет скакать», – и правда, она чё-то сказала и она [палочка] поднялась» [М. Дементьева].

«Вот, когда заноза, подходишь к двери и говоришь: "Наткаедку в щель, наткаедку съём" и фигу засунуть – 3 раза сказать» [И. Дементьев].

Илл. 1. Анна Первоухина
и Иван Дементьев.

Антропология религии

В Трёхречье, как и в России, народное целительство сохранило в своём арсенале, с одной стороны, христианскую веру во всемогущество Бога, в заступничество Богородицы, в покровительство святых, а с другой – наследие архаической магии: веру во вредоносное колдовство и в защитную силу оберегов, чудодейственных предметов и магических заговоров.

Реликтовые фрагменты аграрной магии встречаются в практике ритуального использования веток ивы с пушистыми почками – вербы. При сборе вербы накануне Вербного воскресения нужно, согласно верованиям, обязательно рвать ветки с крупными почками – тогда и в хлебном колосе зёрна будут крупными, и урожай зерновых будет богатым. Утром Вербного воскресения пучками такой вербы крестьяне выгоняют скот со двора, надеясь, что после таких действий животные будут лучше расти и останутся здоровыми. Некоторые русские трёхреченцы, судя по публикациям китайских этнографов, удержали эту традицию¹. Наши наблюдения показывают, что вербу собирают, её пучки ставят перед божничками, ритуально используют, но из области аграрной магии её применение уходит в прошлое вместе с тем, как уходит в прошлое для большинства русских Трёхречья их аграрная деятельность. Подавляющее большинство русских, ещё не забывших свои традиции, уже не сеет хлеб и не держит скот.

Илл. 2. Божничка с веточками вербы.

Одни рассказывали, что было с мужчиной одним, что вечером, только ложиться спать, <из>за печку убегают 4 девчонки и пляшат, все за руки, потом петухи запоят – их не будет. Он потом давай искать, встал, говорит: “Что такое?”. Воды, говорят, на них лину святой. Он потом встал, воды на них линул, они упали – из бумажки куклы, нарезали, за печку, кто строил печку, туды их положил» [М. Дементьева].

Сходная ситуация складывается с обрядами гадания, ворожбы – их хорошо помнят, живо о них рассказывают, но практического применения они уже почти не находят.

«Когда ворожат – говорят, ворожить надо в бане. В баню придут, тогда-то бани были из лесу [из дерева], отдушинька есть, окошко. Вот если жарко – они её отводят [открывают], отдушиньку. Вот кто затолкнет [руку в отдушину] в 12 часов, вот если у него [того, чью чью руку почувствуют] рука космата, то это богато: поймал за руку, а если голой рукой, бедного жениха найдёшь. Одна-то подошла, он поймал, она говорит: “Бедный-бедный – голорукий”. Друга-то руку дала, он её поймал, косматый и её не опускает, она напугалась, говорит: “Чёрт-то поймал!”. Умерла-то, напугалась».

Я не ворожила, я не верила, я много не верю. У меня-то маленька сестра ворожила, Аня. К Ане девчонки все бегали ворожили. Посёлок маленький, надо, чтобы колечко золото было, а колечка <у> бедняков нету, они к одной старухе сбегали, колечко заняли. Она говорит, что в стакан, стакан воду поставишь, чтобы тихо было, полночь, два зеркала. Поставят два зеркала, стакан поставят, потом в зеркало

Некоторые обряды, по-видимому, безвозвратно ушли из религиозных практик и остались лишь в качестве воспоминаний. Так, скорее всего, дело обстоит с обрядами строительной магии.

«Ещё мама так говорила, что раньше избу строили, ты ежеси мало заплотишь, кто работат, он тебебечё-то под матку положит, тебе потом покою нету. Один, строили избу, потом нашли, он сделал телегу из бумажки, на телеге человек и два коня. Они [хозяева] только спать, эта телега по избе бегат, встанут – не видят, слышно, что человек гонит, кони бегают. Потом давай искать – вот нашли, под потолком».

смотрят, у зеркала есть железные ножки, вот отражается, как комната и порог. Вышел, говорит, один человек, упал запнулся, они захохотали и его не стало.

Потом Анька ворожит – правда, за которого она вышла, зять, и правда он вышел. Она говорит: “Правда, я нисколь не вру, я боюсь и не пойду-ка”. Он вышел, сидит на стуле, сидит, они посмотрели, а это он. Его по-русски звали Маня, он полукровец был. С Анькой все вместе девчонки, все ворожили. Только я не ворожила.

Мне сказали: “Ночью ляжешь спать (как раз тогда ворожили), под подушку (ворожат на Святки) расчёску положь, ключ положь: кто придёт за ключом, тот твой жених, расчёской чешется: ли белый волос, ли чёрный – русский или китаец”. Я раз так сделала, никого я не видела. Наверно – человек потому что не верит, я вредная была – не верила, говорила: “Валите-валите, вас там поймут и задавят”.

Мама говорила, что раньше бедно жили, сами мололи жерновами пшеницу, а потом Святки, сколь [несколько] иголок положат туды молоть, вот иголки заговаривают, говорят, сам чёрт сидит под жерновами, они же высокие. Не знаю, не видывала».

«На росстани ворожить ходили, потом вдруг в 12 часов окружили их [девушек и парней], начали их всех ловить, тут все побежали, остались двое девка да парень, их поймали, их задавили, я забыла, куда их девали».

«Трое девчонки ворожили, имя [им] всё правильно вышло, на колечко ворожили. Я говорю: “Анька, вы домой шли – боялись, нет?” Она говорит: “А чё, шли и, говорят, назад не оглядывайся. Тут два огня горят. Беги и не оглядывайся, никто тебя не поймат”. Они, когда домой идут, “Господи Благослови”, говорят. Взади кто догонят, так ты не оглядывайся. Посмотришь сюды – огонь угаснет, туды посмотришь – огонь угаснет и тогда он тебя поймат”» [М. Дементьева].

«Мама это всё рассказывала, раньше молоды девушки ворожили в бане. Одна девушка баню обошла, петуха взяла с собой, в корыто воду нашла, зеркало положила, свечки зажгла, а петуха запрятала. Она глядит: люди уходят уже, потом в полночь дверь открылась, зашёл один муж<чина>. Он говорит: “Пойдём” ей, она говорит: “Не пойду, товар² надо”. Он пошёл, много притащил ей. Он говорит: “Пошли”, она: “Подожди”. Взяла и петуха бросила, черти-то боятся петуха, он упал. Она помолилась, товар-то положила и убежала. Она утром пошла, петух там ходит [в бане], чёрт ушёл, всё осталось [подарки]. Она всё берёт и потащила, соседка увидела, говорит: “Как сделала, что много товара у тебя?” Она говорит: “Вот, ворожила вчера, вот жених пришёл, дал мне”. Она [соседка] говорит: “Я тоже пойду сегодня”. Она ворожила, а петуха не взяла с собой, чёрт зашёл. Чёрт говорит ей: “Пойдём”, она говорит: “Товар”, он говорит – “Я вчера притащил, ты ещё кого-то [чего-то] хочешь?” И задавил её. Утром пошли, а она там мёртвая³».

Мама ещё говорила, что раньше в поле ходили ворожить, а в поле чертей много, если ребята выходили в поле много ворожить, то круг сделали из угля, черти все туда. Она начали ворожить, большо стекло положили туды, потом глядят – изба идёт на ногах, как на картинках, потом прошла, потом могила идёт, потом из могилы стали выбегать покойники. Закружили, а достать-то не могут, они [люди] стали молитву читать. Потом все побежали, одна осталась, так и умерла» [И. Дементьев].

«Ворожить на русский Новый год ворожат, он у нас четырнадцатого. Рождество пройдем, ворожат. Всяко ворожили, девушки ворожили, я видела – зеркало наводили, кольцо ложили, стакан воду нальют, спустят, две свечи горят и вот замечают, кто выйдет, то ли, думаю, правда, то ли не знаю, но видала» [Т. Петухова].

В Трёхречье бытовала широко известная в письменных религиозных культурах практика гадания по книгам. Основное содержание гадательной практики по книге заключается в чтении произвольно выбранного фрагмента текста и его толкования. В Трёхречье книгу открывали над головой человека, который хотел знать будущее⁴. Для предсказания будущего использовали, вероятно, разные книги, но точно известно, что использовали Библию. По воспоминаниям одного из жителей, на

Антропология религии

Библии гадали по поводу отъезда в СССР в середине 50-х гг. Отъезд из Трёхречья, которое для многих было родиной, где жили вольно и в достатке, нередко воспринималось уезжающими и провожающими как трагедия. Люди стояли перед трудным выбором, впереди ждала неизвестность.

Илл. 3. Маруся Дементьева.

Илл. 4. Таусия Петухова.

«Потом-ка, когда уезжать в Союз-то, слёз чё было, не дай Бог, живых-то провожать хуже покойника. Меня раз пригласили, покаялся, большие никогда не пойду. Очень тяжело было, ой-ой-ой, слёз сколько пролили. Когда ехать-то – от казны машину подрядили, подогнали машину – не садятся, в голос ревут. Эта песня “Последний нынешний денёчек гуляю с вами я друзья...” – поют да ревут-то, плачут. Все уйдут по-маленьке, никто не останется.

В Дубовой старый старик, когда все поженились, внучата уж все работали, семья больша. Этот старый старик очки наденет, Библию читат, толста книга. Он говорит сыну: “Уезжают-уезжают все, вам скажу, вы не хотите в Россию, когда все уедут, кака перемена будет, вперёд не знаем, ты мне на расклади эту Библию”. Он раскрыл Библию, эти два листика давай читать. Первый листик написано: “Я семена рассыпал, я вас соберу”. Он потом семье сказал, что собирайтесь, это Божье слово, никуда не денемся. Они уехали» [Ш. Честнов].

Очевидно, Библия была раскрыта в части Ветхого Завета на пророчестве Иезекииля (11:17) или Иеремии (31:10), сходные места о рассеянии и собирании народа есть у пророка Софонии (3:19-20) и в некоторых других местах.

Демонология: домовый, черти и прочая «нечистая сила»

Достаточно большой массив народной религиозности Трёхречья жив в фольклорных повествованиях религиозно-мифологического характера, в демонологии. Демонология – система представлений о необыкновенных иночеловеческих существах, личных или безличных, выступающих представителями потусторонних сил, преимущественно тёмных и разрушительных; иначе говоря, это совокупность верований в «нечистую силу» и олицетворяющих её существ (бесов, чертей, домовых, заложных покойников и т. д.). В русской культуре многие народные демонологические представления, пришедшие из дохристианского прошлого, противостоят церковному вероучению и церковной демонологии – своду знаний о носителях богопротивной, дьявольской природы. По мере взаимодействия дохристианских и христианских демонологических верований в народном православии сформировалась синкретическая «двоеверная» система религиозно-мифологических воззрений о «нечистой силе»⁵.

В Трёхречье к русской народной демонологии в сознании потомков русско-китайских браков добавилась народная китайская демонология. Полного слияния этих разных демонологий не произошло. Они совместились в сознании трёхреченцев, но не смешались, большинство русских носителей этих этнических демонологий вполне чётко понимают их различие.

К «своим» представителям «нечистой силы» относится в Трёхречье широкий круг традиционных для русской культуры демонологических существ, прежде всего – духов места, локализованных в ближайшем по отношению к человеку окружающем пространстве. Среди них первостепенное место занимает домовой.

«Полукровки сейчас ещё верят в домового, тоже верят-верят. Русски говорят – это черти, нечистый дух. У меня мама рассказывала: в каждом доме есть дедушка-хозяин. Когда закочавывают [от «кочевать», т. е., въезжают] – в новую избу завсегда просят. Нас не учили, мы не знаем, как просят, сейчас всё прошло. Раньше русски старухи знали, они весь век жили по-русски. Мы на берегу, когда жили в Ключах это ещё, мы по первости жили, сразу не было сил построить дом. Закочевали в чужую, в старое зимовьё, потом сколько годов прожили, потом построили дом. Дом построили, но всё время же работа, сегодня-завтра – работа, работа всё, тогда же у меня отец один был, работал. Внизу всё брат, сёстры молоды были ещё. А он [домовой] к маме всё время греется, она уснёт, давит. Каждый день, каждый день давит. А тогда граница не закрыта была, с той стороны была старушка, она часто в гости ходила сюда. Она придёт [старушка] и мама давай рассказывать, как чё, бабушке: "Всё время, уж много время дедушка меня давит-давит. Я вижу: старичок, дедушка небольшой, я усну, а он меня давит-давит, когда разбужусь, пот меня берёт". Эта бабушка была стара, она и сказала: "Катюшка (у меня мать звали Катерина), ты спроси его, когда разбудиться будешь, спроси его, ты к чему меня давишь? И помни, он чё скажет". Она запомнила, когда он давил-давил, ей скоро разбудиться и ещё не разбудилась, спросила: "К чему меня давишь, дедушка?" Он плюнул её и пошёл, ничё не сказал ей. На второй день бабушка пришла, она ей рассказывает: мол, бабушка спросила, а он плюнул и сразу ушёл. Бабушка: "Эй, как можно скорее, Катюш, учокаывай, смерть будет». Отец с работы пришёл, мать ему рассказала, что бабушка сказала "как можно скорее учокаывай". Отец у меня был крещёный, верующий, собралась учокаывать. Выкочевали в новый дом; на третий день хатка-то стара упала, если б не учокавали, задавило бы. На веку всяко прожили, всё-всё бывает» [Ш. Честнов].

«Домовой, так говорят, я в эту избу закочавываю, обязательно есть домовой, мы говорим – хозяин, в это я верю. Мы в эту избу пришли, святую воду, всегда у всех есть, из церкви, мы её освятим. Кады первый день закочавывам, мы испечём прянички иль чё ли, в уголок положим домовому, потом у него просимся: "На, деда-домовой, ты пусти нас сюды, сюды жить будем, и дай нам здоровья, и не пугай наших детей". Всегда просимся. Никто его не видел. Мама говорила: бывал тут один раз, спустился с красного угла такой маленький старичок и потом вдруг его не видеть стало» [А. Первоухина].

В сознании многих трёхреченцев сохраняется память о баннике, но вера в его реальное существование ослабела. Отчасти это обусловлено тем, что русская баня в современных условиях трёхреченских деревень утратила то важное значение, которое она имела в традиционном образе жизни. Вместе с баней отжил свой век и банник...

«Раньше маленькие в баню боимся ходить, там чёрта много, а сейчас там спят и никого в бане нету. Раньше так пугали» [И. Дементьев].

Прочно бытует память о ходячих покойниках как очень опасных представителях «нечистой силы» и наиболее многочисленной когорты пандемониума⁶. В первую очередь именно они – черти.

«Ночью всегда черти ходят, стучатся, ветер только начнёт на могилках, они уж идут. Придут, пугают народ, ходят-ка» [М. Дементьева].

«Вправду, есть нечиста сила. У меня тесть умер, он в Лабдарине у старшего сына жил, раньше они в Ершиной жили. Он утром встал и говорит: "Иди, ищи

Илл. 5. Александр (Шурка) Чешнов

легковушку, меня вези в Ернишну”. А у него третий сын в Хуму (деревня тут небольшая), он тама-ка на занятии был, там чё-то случилось, один другого убил, вот в то время его и убили. Он [тесть] потом и говорит: “Вот третий за мной пришёл и стоит”, – никто не видит, а он видит, “и он пришёл за мной”. Он [тесть] командывает: “Скорей-скорей, ищи легковушку”, вот нашёл, увезли его в Ернишну. Его, когда привезли домой, положили на койку, язык отнялся, больше ничего не говорил. На третий день умер, а на этой кровати [где умер тесть], не сделали настил, где умер на кровати⁷, так в гроб и положили. И эта кровать, потом кто ляжет на неё – и качат. У меня жёнка – она ни во что не верила. Говорила: “Я не поверю, что меня мой отец будет пугать, я на эту кровать лягу”. Она на эту кровать лягла, только огонь затушили, он занялся качать её. Вот какая сила, кто это? Не знат никто. Вот, говорят – душа, но душа, однако, небольшая, а тут даже может его качать. Потом постепенно не стал, потом они выбросили эту кровать» [Ш. Честнов].

«Все говорят раньше – на могилку надо ходить, там черти. Ещё рассказывали – один муж на войну ушёл, его жена осталась дома. Потом письмо писали-писали, потом не стали писать. Она дома жила, потом задавилась [повесилась], он с войны пришёл. Вечером на коне едет домой, а дом на краю деревни, в ограду заходит, а во дворе трава-то высока. Конь не заходит в ограду, конь знат, что человека нет. Он [мужчина] на войне был, он не боится никого. Он зашёл, дверь открыта, она вышла... Ему походить по дому надо: раньше жили, в церковь ходили... Говорили – надо вместе помирать. Он ее повёл, к церкви вместе пошли. Потом могилу нашли. Она говорит: “В могилу залезай”. Он глядит – она задавита [мёртвая. – Авт.] там, а это черти. Он говорит: “Ты лезь первая”. Она туды залезла, он побежал, она догонят его. Он бежит-бежит, там в посёлке в избе огонёк горит, он в эту избу забежал. Там дед один помер и лежит, и никого нет. Он смотрит – русска печка, он туды залез, она в избу зашла, там дед встал, она говорит: “Давай моёва”, а дед говорит: “Где твой?”, начали драться. А он там на печке лежит, не высовывается. Тут начали петь, они и упали тама. Тут народ пришёл, смотрит – в ограде один лежит, в избе один и на печке ещё один, живой – не помер. Это бабушка рассказывала» [И. Дементьев].

Заметим, что сюжет этой трёхреченской бывальщины о покойнике типологически близок сюжету, записанному в Восточной Сибири⁸.

Примечателен рассказ о горбуне, умершем неестественной смертью.

«Один парень, он урод был. Он маленький был: выдавали пшеницу мешками, ребяташки-то играли, мешок перевернулся, его придавило, придавило, он потом не вырос, взади шишка [горб], голова большая, голова-то росла. Его потом в кохозе взяли – где кто кого сломатся, заколачивать [плотником]. Маленько стал работать. Старый-то стал, ему избу маленьку сделали, замазали, она ещё сохла, он закочевал. Мы пришли туды, я говорю, что ты чё-то рано закочевал, она ещё не просохла, тебе надо сделать кан китайский из кирпичей – холодно, затопил, а он горячий.

Я говорю: Ты замёрзнешь.

Он говорит: Я не знаю.

Он потом и правда замёрз. Уйдёт – там [на маслодельне] масло-то караулят, дежурят-то, там тепло, он там сидит. А тут, видно, замёрз – весь перемерз, он туды пошёл, того году шибко холодно было. Он пошёл и упал, упал он потом – не может встать-то, у него же голова-то тяжёла, он, чё же это, голову-то подымал-подымал, так и замёрз. Утром брат пошёл туда смотреть его, проверять. Пришёл, в избе нету-ка человека, зимой же это, ещё было тёмно. Он пошёл туды, а он на дорожке лежит, замёрз. Его схоронили. Много лет уж прошло. Тут брат [умершего горбуна] тоже заболел, сказали, что худа болезнь, а он ещё ничё. Вечером, много часов, худы часы, он пошёл аргал [сухой навоз, часто используется для отопления – Авт.] собирать туды, где он замёрз, тама-ка аргал. Он собирал, глядит – чёрно тама-ка.

Он [брат] говорит: Собака тут иль кто ли?

Он [неизвестный] говорит: Я!

Он [брат] говорит: Кто?

Он [горбун] имя-то сказал. Он его это, он же больной был, его этим [именем] прозвали как-то. Он [брат умершего горбуна] только хотел сказать, что “ты помер”. Он с ним заговорил, он потом-ка не понял, что с ним разговариват.

Он [брат] говорит: Ты где чичас?

Он [горбун] говорит: Я в Китае, как сказать, – монах.

Он [горбун] с ним разговариват, говорит: Ты к нам иди, я поговорю со старшим-то.

Он [брат] говорит: Не, я не пойду туда.

Тот же [горбун] не женатым был, может быть этим, монахом, ага. Он [брат] аргала наклал, поехал домой, он [брат] как лёг, а тот [горбун], домой-то пришёл.

Он [брат] говорит: Заходи.

Он [горбун] говорит: Я не пойду, нам два часа и нужно дома быть, я скорей пойду. Ты завтра ещё пойдёшь собирать; ты, если пойдешь, моё имя зареви, я выйду.

Баба-то его [брата], слыхала, не отпустила. Он помер потом, мужик.

Он [горбун] сказал, что как монах в китайском храме. Он сказал, что он на той стороне» [А. Дементьева].

Умерший горбун был физически ущербен и не женат – оба обстоятельства накладывали на него в традиционных представлениях о человеке отпечаток изгоя, маргинала, неполноценно прожившего жизнь⁹. Неженатый бездетный горбун умер неестественной смертью: не дома, на семейном одре, в окружении детей – он замёрз на улице, под плетнём, посередине пути от дома к чужому жилью. Фигура горбуна близка персонажам, которые составляли категорию «заложных покойников» русской демонологии¹⁰. В трёхреченском варианте повествования о ходячем покойнике, не нашедшем полного успокоения в могиле и в кругу близких в ином мире, народное воображение отправляет его душу монахом в китайский храм, подальше от русского круга жизни.

Отметим, что современная вера в покойников, встающих из могилы и превращающихся в чертей, сильно ослабла.

«Сейчас детишки никого не боятся, знаю, что это всё врань. Думаем, уже нету этого. Это надо живых бояться, а покойника чего бояться. А черти – это покойники, конечно. Всякие покойники» [А. Дементьева].

«Говорили, черти – это покойники, ты вот видишь: покойник – он никуда же не вылезет. Надо бояться живого человека, а не покойника. Мы всегда, куда пойдём, боимся живого человека: может же убить, а покойник – он не вылезет, но его бояться, всё равно бояться. У которых муж умер, у которых баба умерла, не он боится, так она боится, тоже есть-ка. Боялись, раньше боялись» [М. Дементьева].

«У меня золовка в России – там работат на пашне, говорит: ночью пойдут, их чёрт догоняет, все боится. Высокий, глаза красны, рот красный разинет. У нас сестра, она из Китая [имеется в виду – из центральных районов Китая. – Авт.], она никого не боится, говорит, сегодня я пойду, она вилы взяла. Раньше же там всё хлеб воровали. Пошла, идёт, она вилами ткнула, он убегае, голова отлетела, а голова-то арбуз, они дно выколупали, глаза дырочки сделали, а внутри всё красно. За те года, боле 30 лет было» [М. Дементьева].

В последнем сюжете рассказчица пытается подвести под свои сомнения в существовании злонамеренных покойников, чертей рациональное обоснование.

В среде трёхреченцев сохраняются представления об оборотнях и оборотничестве.

«Говорили – человек чушкой делатся. Как – сейчас не знаю, мама у бабушки слышала, а та у своей бабушки слышала, так и мы потом слышали, чё в деревне чушка. Сейчас у нас есть посёлок, зовут Щучье, там был русский посёлок, говорили, куды пойдёт народ – эта чушка догоняет, бегат, то женщину гоняет, то мужчину, все боится. Потом кто-то их научил, что вы бейте тень, они ударили и ухо отлетело, коды подняли – ухо человецье. Раньше всё атаманы были, что надо ходить по домам смотреть [в сознании современных трёхреченцев «атаманы» – это местное начальство прошлых лет – Авт.]: одна бабушка на гончике [копчике, т. е. на

Антропология религии

спине] лежит. Говорят: “Чё, бабушка?”, а она: “Я вот встала, упала, ухо ушибила”. Её говорят: “Платок съми” – она не съмат, а когда сняли – это её ухо. Так говорят, я не знаю.

Тайска говорит – эта такая чушка, она за мужиками бегат, ей мужика надо» [М. Дементьева].

Хотя вера в реальное существование «нечистой силы» частично поколеблена, представления о персонажах демонологии и повествования о них составляют внушительный пласт религиозной жизни русских Трёхречья.

Видения, знамения и пророчества

Вера в знамения – знаки судьбы, грядущих событий – глубоко укоренена в религиозном сознании. В одном из первых русских письменных источников говорится: «Знамения ведь на небе, или в звёздах, или в солнце, или в птицах, или в чём ином не к добру бывают: но знамения эти ко злу бывают: или войну предвещают, или голод, или смерть» («Повесть временных лет»). Знамения, как мы знаем из «Повести временных лет» и многих других источников разных этнических культур, бывают природными – они явлены природными физическими объектами (солнцем, звёздами, т. д.) или поведением животных («птичьим граем», т. д.). В знамениях, согласно религиозным представлениям, обнаруживает себя тем или иным способом предначертанная высшими силами человеку, народу или государству судьба. Изменить её нельзя, но, получив знание о ней, сообразовать своё поведение с предрешённым будущим можно.

В восточнославянской дохристианской религии источником знаний о будущем были, прежде всего, существа хтонической природы, представители мира посмертного существования¹¹. Это архаическое представление перешло в модифицированном виде в русскую народную культуру, в народную религию. Статус духов – властителей человеческой судьбы – был под влиянием христианства понижен до «нечистой силы», бесов, однако за ними была в значительно мере сохранена их функция носителей знания о судьбе. Они открывают судьбу вопрошающему в снах, в обыденной жизни, в обрядовом действе и в иных ситуациях, делая это, как правило, в иносказательной форме, знамением.

Знамение (предзнаменование) может быть акциональным, представляя собой действие, – например, девушке, гадающей о суженом в бане, бес открывает будущее прикосновением косматой или голой руки. Это – известный в русской культуре способ предзнаменования. В Трёхречье он тоже бытовал и нём помнят. Выше уже шла речь о гаданиях трёхреченских девушек в бане.

Знамение может быть вербальным, выраженным в иносказательной фразе, загадочном слове. Память о таких предзнаменованиях жива, и рассказчики верят в правдивость связанных с ними событий и содержания полученной вести.

«Потома-ка, ехал один мужик на телеге, туды-то ране телеги – деревянно всё было, мазутом мазали, едет и старушка идёт.

Он говорит: Ну, бабушка, садись на телегу.

Она говорит: Кого я сяду – и конь-то не увезёт.

Он говорит: Ничё, увезёт.

Она сяла и у ней платьё долгое, она это – он потом у неё ножки увидал: как – то ли чушечьи, то ли как копыта рассечьи. Потом он взглянул – она, видно, с нарку показала.

Он её потом и говорит: Бабушка, какой нынче урожай будет?

Она говорит: Урожай будет хороший, только не придётся хлеб жать.

– Но почему не придётся?

– Потом узнаете.

Как раз хлеб надо жать, а потом война случилась» [А. Дементьева].

Войн и военных конфликтов, ломавших мирный уклад, на памяти старшего поколения трёхреченцев и их родителей было несколько. То предзнаменование, о котором может идти речь в нашем сюжете, по-видимому, относится ещё к забайкальскому периоду их истории, к Первой мировой войне.

К наиболее архаичной форме получения предзнаменований относится онейрическое знамение – знамение, полученное во сне. Знамения в форме онейрического

опыта, опыта сновидений, известны практически во всех религиозных культурах. В традиционной русской культуре онейрический опыт и искусство толкования его смысла занимают положение продуктивного способа общения с потусторонним миром. Со времён средневековья в народной культуре и культуре официальной не смотря на запреты и порицания церкви вещие сны воспринимались как достоверный источник сведений о будущем. Вплоть до настоящего времени вещие сны не утратили ореола чудесного предзнаменования¹². В Трёхречье тоже бытует вера в возможность получения предзнаменования во сне. Её выражением и способом верификации являются рассказы о полученной во сне вести. Эти повествования не обязательно обладают интенсивно выраженной мистической окраской. Скорее, наоборот. Трёхреченские сновидцы и рассказчики – не духовидцы-анахореты, а простые люди, в их свидетельствах чудесное незатейливо вплетено в ткань обыденного.

«Один раз, на кровати мы с жёнкой спали, дети все на занятия ушли, я утром поленился, не встал, а она встала. Я как-то крепко уснул, а вдруг разбудился. Говорю: “Скорее иди, ворота закрывай, вот такой бычишка в ограду зашёл”. А она не подумала, что де “Он спит, он не ходил на улицу, как он узнал?”. Она, как дура, выскочила на улицу, посмотрела – корова отелилась, белого теленка <принесла>. Она: “Вставай, корова отелилась, затащим телёнка”, холодное время – это было весной. Пропал бы телёнок... Я говорю: “Ты как дура, я на улице-то не был, я кого видел, я во сне видел”. Она говорит: “Ты во сне видел – правда, белый телёнок”» [Ш. Честнов].

«У меня маленька сестра – Анька, у ей девка родилась: одна нога чудная, а её бабушка, моей сестры свекровка, она хотела её убрать [извести]. Сестра во сне видала, как спустился маленький старичок и говорит: “Ты не ходи по воду эти три дня, ты-то утонешь, <a> у тебя вот эта девчонка счастлива [принесёт тебе счастье], а её бабушка уберёт её, изведёт, если ты утонешь. Анька говорит: утром встала – воды нету, хотела идти, но, говорит, не пойду. Три дня не пошла, на второй день давай своей свекровке рассказывать, сон видала. Ну, ничего, девчонки всё, выросла, замуж вышла, всё помогают» [М. Дементьева].

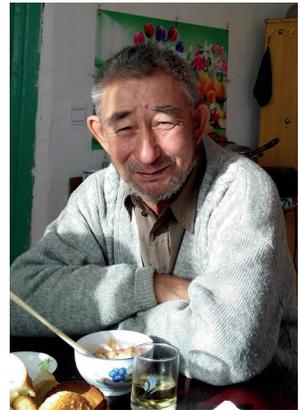
Знамение может быть визуальным – в виде призрака или иного фиксируемого зрением образа. Повествования о таких предзнаменованиях тоже живы в трёхреченском религиозном сознании.

«Она говорит (бабушка у нас) : хлеб вязали, потом домой идёт, видит – человек впереди идёт, а тот подбежал – русский серп, этом серпом как дорнет, и голова слетела, она напугалась, потом взглянула, а никого нету. Богословилая, и никого не стало. Она потом говорит: однако, что что-то будет худо. Было потома-ка – побег или чё ли, было» [А. Дементьева].

В этом рассказе озвучен, очевидно, реликтовый для Трёхречья фрагмент памяти, уходящий истоками в забайкальское прошлое. Восточная Сибирь уже в XVII в. стала местом ссылки преступников, позднее именно на неё тяжёлым бременем легла каторга. Побег каторжан и других уголовных или политических заключённых нередко становился трагедией для населения таёжных деревень.

Нехристианские образы и сюжеты переплетаются в сознании русских трёхреченцев с христианскими. Через всю жизнь пронёс наш собеседник щемящее сердце воспоминание о детском видении.

«Мне блет было – мама умерла. Умерла, наверно, месяц – боле так. Спал-спал, потом встал, глаза посмотрел на божничку: мама там Богу молится, напугался сразу – мама-то умерла, а она там молится стоит. Потом посмотрел, а она на нас молится, а божничка сзади, а она стоит, на нас Богу молится. Глаза защурил, одеяло столкал, забоялся, лежу. Няня кашляла, я глаза открыл – а там, как дым, ушла. Вот такое дело видел» [В. Зоркальцев].

Илл. 6. Василий
Зоркальцев

Образ матери, которая молится у божнички за своих детей, повернувшись к ним лицом, совершенно естественно соединяется с образом Богоматери.

«Я маленький. У меня сестра в Покровке жила, у её дочь 15 лет умерла. Она [дочь], потом мальчик был, год-два ли – опять умер. Она [сестра] чуть с ума не сошла. Меня потом отец увёз к сестре. У нас в деревне не было церкви, а в Покровке была. У нас всё кругом были русские соседи. Её по-русски звали Зина, её всё учат: “Ты, Зина, ходи в церковь, молись Богу, каждое воскресенье”. У меня работа у русского богача, я-то со сестрой, мне 11-й год был, я с сестрой всё время ходил в церкву, молились. Церква небольшая, народу более стало. В церкву, как всегда, заходят – на восток двери. Мы тот день рано со сестрой пришли, вперёд встали, соседи рядом стояли, народу много было. Мне потом-ка мать Пресвята Богородица почувдилась – это я хорошо помню, я молился и на неё смотрел, она держала в руках маленького Иисуса Христа. Женица красива, я вот молился, всё время на неё смотрел. И никто не скажет, а она-то сидит в правом боку, а от батюшки в левом боку, так на лавочке смотрит на нас, парнишка русский на руках, годовою будет на руках, платье розовое на ней, у парнишки тако бледно розово на ней. Я молился, думал: женица – кака молода, а батюшка старый. Потом, когда пошли домой я сестре рассказываю: “Посмотри-ка чё, жена-то кака у батюшки молода”. Она говорит: “В церкви-то видел могилку?”, я говорю – видел, с ребятами, когда играли там, часто видел. “Вот это его жена”. У батюшки, когда жена умрёт, хоронили в церкви тогда в ограду. Я говорю: “Хорошо же видел: женица сидит, на руках ребёнок”. Она говорит: “Ты так будешь говорить, тебя русски наругают, когда родится девочка – и то нельзя на этот престол”. Я потом так-то и не поминал. Потом-ка у меня мама убирала, избу белили, она иконы сняла да в тазик чистый обтирала. Была икона у нас, она открывалась, там мать Пресвята Богородица, а на руках Иисус. Я заглянул и сразу понял. Я потом говорю: “Эту женицуну я видел”, а она говорит: “Это Мать Пресвята Богородица, на руках Иисус”. Я тогда ей рассказал. Мама говорит: “Это хорошо, на этом свете ничего доброго не забудешь, на том свете, когда умрёшь тебе, будет хорошо”. Это у меня чичас в глазах, хорошо помню. Больше не бывало. Я после того, когда сам женился, стали жить, потом маме сказал, дай икону, сам стал молиться. Хорошо знаю, что Бог есть» [Ш. Честнов].

Об этом детском видении наш собеседник рассказывал неоднократно, варьируя детали и уточняя смыслы знамения.

«Эту Марию, Мать Пресвяту Богородицу, я в церкви видел. Ну как человек – одинаково. Женица, но красива. В тот день я со сестрой, мы ушли рано. В Покровке – там была русска деревня, две церкви, староверов много было, староверска церковь и православная церковь. Мы с ней, сестрой, рано ушли, вперёд прошли, а народу в православной церкви много было. А эту, как её называли, вот всё позабыл, престол, ой всё позабыл, русский язык, наверно, скоро совсем забуду. Она, если к батюшке сказать, в левом углу, а к народу, в общем сказать, она в правом углу была. Вот така доска жёлто-красна, на ней ещё зубчики, она вот так вот сидит, ребёнка вот так в зад-перед трясёт. Вот как человек – одинаково. Волосики, вот таки как у тебя русые, лицо бело. Я молился стоял и всё на неё смотрел и думал, пошто батюшка такой старый, а женица така молода. Когда домой-то пришли, я сестре давай рассказывать. Спрашивать сестру: зачем батюшка такой старый, борода до тседа, волосы до тседа у батюшки, пошто жена-то яка молодая красива? Она говорит: “Где его жена? У батюшки она называется матушка, она давно уж умерла. В церкви-то видел могилу?” Я говорю: “Видел. Мы с русскими ребятами ещё на этой могиле бегали, играли. Вот это его жена похоронена”. Так я говорю: “Хорошо видел, женица с ребёнком”. Она говорит: “Ты это не говори. Как когда крестят, как это сказати-то, дёвчонке три раза можно показать-то, а мальчишку можно. Русски тебя наругают. Не знаю, чей-то тебе показалось-то”. Я потом так-то забыл да забыл, не рассказывал. Потом один раз, я в тот год на шахтах работал, мы одну точку искали, нам распустили на три дня отдыху, я потом пришёл домой, как раз у меня мама в избе выбелила, в чистой миске, тазик или миска называца, она утират там-ка. Взяла она, икона большая, она с ящичку

открывалась, я взглянул – ой, пошто знакома. Я говорю маме: “Пошто икона-то на кого-то походит?” Я говорю: “Я в церкви видел”. Потом мама мне сказала, что это Мать Пресвята Богородица. Мне и говорит: “Ты, говорит, фатовый, но только что не на белом свете, умрёшь, тебе там хорошо будет”.

Почему я видел, а другие не видели? Я не шибко маленький был, мне двенацать лет было, я каждое воскресенье, мы со сестрой ходили-то, из полукровцев-то, а из полукровцев-то других ни одного не было, не верили... Русски-то ребяташки-то нас “китайта” называли, они меня зовут “китаёнок”. А я очень ведь верил в Бога, каждое воскресенье ходил со сестрой в церкву молился, вот мне показалось, я-то так думаю» [Ш. Честнов].

Не претендуя на широкие обобщения, можно рассматривать эти личные религиозные опыты видения матери и Богоматери в их тесной связи друг с другом и с традициями русского народного православия. Характерной чертой народного православия было горячее почитание Богоматери. Причём столь сильное, что при взгляде на народное православие появлялись основания говорить, что это не религия Христа, а религия Богоматери.

«Троеверие»

Известно, что в ходе распространения православия на Руси постепенно в народной культуре сложился симбиоз, который во многих, особенно старых, публикациях принято было называть «двоеверием». Этот термин не вполне точен: «... Христианизация медленно шла из городов по деревням и весям и, проникая в толщу масс, сливалась со старым, привычным образом мыслей и чувств. Под пером старых и новых русских книжников это были две веры, живущие рядом, “двоеверие”, но в подлинной жизни этого не было и быть не могло: это была одна синкретическая вера, явившаяся результатом претворения христианства в русской народной среде, иначе – его обрусение»¹³. Соглашаясь с критикой старого толкования «двоеверия», мы всё же оставим само понятие в научном обороте, уточнив его смысл. В культуре восточных славян «двоеверие» – форма организации религиозной жизни, синкретически сочетающая исконно славянские верования с православными. Появление «двоеверия» было естественным следствием вхождения христианства в новую этнокультурную среду.

Синкретизм был присущ в той или иной мере всем формам русского православия. В народном православии синкретизм дохристианских верований и христианства стал основой религиозности. Становление народного православия происходило на основе встречного движения дохристианских начал и тех сторон православия, что тесно соприкасались с народной религиозностью. Духовенство, особенно сельское, пошло навстречу праславянским верованиям, постепенно соединяя образы христианских святых с образами древних славянских богов (Ильи-пророка – с Перуном, Власия – с Велесом и т. д.), сообразуя церковный календарь с аграрными праздниками сельского населения и допуская многие послабления языческой обрядности. Взаимные уступки и взаимовлияния привели к формированию в народном русском православии типа религиозности, который органично сочетался с устоями народной духовности и народного быта. В этом был залог устойчивости синкретической религиозности, которую большинство русских православных сохраняли вплоть до XX в. несмотря на предпринимаемые церковью и в средние века, и позднее попытки её преодоления. Жив этот тип религиозности и поныне, проявляя себя в народных обрядах и поверьях, в русском народном православии.

В Трёхречье русское народное православие в местном своеобразном виде стало «троеверием». К существующему в народном православии синкретизму восточнославянских дохристианских и православных компонентов в инокультурной китайской среде добавился третий, берущий свой начало в китайской народной религиозности.

Этот китайский компонент неверно описывать в качестве буддийского, даосского или конфуцианского, он имеет мало общего с тем, что часто называется «сань-цзяо» (кит. «три религии»). Речь идёт о китайской народной религии, своего рода «четвёртой» религии – о самых древних, исконных, наиболее массовых верованиях и практиках китайцев, уходящих корнями в неолитические культуры Китая.

Антропология религии

Этот тип религиозности был свойственен китайским мужчинам, выходцам из простонародья, которые из Шаньдуна и других провинций ехали на заработки в Забайкалье и Трёхречье, женились здесь на русских православных девушках, заводили детей. Некоторые из китайцев принимали крещение, но большинство мужчин, этнических китайцев, оставались в первые и последующие десятилетия истории Трёхречья укоренёнными в родной религиозной культуре.

Согласно свидетельству трёхреченца, выражающему общее мнение, «тогда все матеря вели по-русски обычаи» [Ш. Честнов]. Сложившийся в среде потомков русско-китайских браков тип религиозности, соответствующий в основном содержанию русскому народному православию, показывает, что религиозное воспитание православных матерей было определяющим. Но всё же влияние отцов и китайской среды не могло не сказываться. Межэтнические браки являются естественной средой для синкретизации религий. Китайские верования и обычаи включались в религиозную ментальность и практики русских Трёхречья.

На это обстоятельство обращают внимание китайские этнографы. Они указывают на такие примеры религиозности русских Трёхречья, как почитание отдельными жителями китайского Бога богатства, причастность жителей Олочи к ритуальным действиям в кумирне Царя драконов (Лун-вана), отправление китайских поминальных обрядов (сожжение жертвенных денег), присутствие на некоторых могилах китайских стел и китайских надписей на крестах, моления о дожде, признаки многобожия и утилитаризма, характерные для китайской религиозной традиции¹⁴. Эти наблюдения подытоживаются выводом о том, что бытовая и духовная культура «метисной группы» Трёхречья «характеризуется удивительным сплавом русской с преимущественно китайской культурной традицией, религиозными представлениями и верованиями, иными словами, “китайской религии” у них больше, чем православия»¹⁵.

Основная часть приведённых китайскими учёными примеров действительно присуща религиозной культуре русских Трёхречья и частично согласуется с нашими наблюдениями, а также фактами, отмеченными в публикациях В.Л. Кляуса. Можно было добавить к этим примерам веру в чудесные способности хорька, практику зова души, будто бы оставившей тело больного или сильно испуганного человека, и некоторые другие.

Однако всех собранных примеров недостаточно, чтобы однозначно утверждать, что китайский религиозный компонент является преобладающим по отношению к православию в синкретической религиозной культуре русских Трёхречья. Эта позиция китайских этнографов обусловлена, на наш взгляд, идеологической установкой, предполагающей утверждение китайской (ханьской) доминанты во всех областях многонациональной и религиозно разнородной жизни Китая.

Однозначно можно утверждать другое. Собранных примеров достаточно, чтобы зафиксировать в религиозной жизни русских Трёхречья наличие китайских верований и обрядов, которые вместе с православием и дохристианскими славянскими верованиями образуют синкретический религиозный комплекс «троеверия». «Троеверие» русских Трёхречья – это синкретический тип религиозности, в котором соединились фрагменты православия, дохристианских славянских верований и китайских народных верований.

Библиографический список

1. Греков, Б.Д. Киевская Русь / Б.Д. Греков. – М.; Л., 1944. – 347 с.
2. Зеленин, Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественно смертию и русалки / Д.К. Зеленин. – М.: Индрик, 1995. – 477 с.
3. Забияко, А.П. Религия славян / А.П. Забияко // История религии. В 2 т. Т. 1. – М.: Высш. шк., 2002. – С. 234–285.
4. Кляус, В.Л. «Русское Трёхречье» Маньчжурии. Очерки фольклора и традиционной культуры / В.Л. Кляус. – М.: ИМЛИ РАН, 2015. – 416 с.

5. Кляус, В.Л. «Ты меня хочешь замуж? Надо мне кого – платье купить!» (об одном семейном предании китайских русских Трёхречья, КНР) / В.Л. Кляус // Традиционная культура. – Научный альманах. – 2016. – № 3 (63). – С. 88–99.
6. Лян Чжэ. Православие в контексте современного российско-китайского взаимодействия (1949–2015 гг.) / Лян Чжэ. – М.: РУДН, 2016. – 248 с.
7. Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. – Новосибирск: Наука, 1987. – 400 с.
8. Панченко, А.А. Мертвецы: «добрые», «злые» и непонятно какие / А.А. Панченко // Отечественные записки. – 2013. – № 5 (56). – С. 135–143.
9. Сны и видения в народной культуре. Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 382 с.
10. Толстой, Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И. Толстой. – М., 1995. – 512 с.
11. Tang Ge. *Eluosi wenhua zai zhongguo: renleixue yi lishixue de yanjiu*. – Harbin: Beifang wenyi chubanshe (Русская культура в Китае: исследование антропологии и истории. – Харбин, Бэйфан вэньи чубаньшэ, 2010. – 293 с.
12. Zhang Xiaobin. *Neimeng gueluo sizu*. – Nair: Neimeng gu wenhua chubanshe, 2015. (Русская народность во Внутренней Монголии / Под ред. Чжан Сяобиня. – Хулунбуэр: Литературное издательство «Внутренняя Монголия», 2015). – 354 с.

¹ Лян Чжэ. Православие в контексте современного российско-китайского взаимодействия (1949–2015 гг.). М., 2016. С. 128.

² Подарки. Иван забывает русский язык, употребляет кальку с китайского.

³ Перевод этой истории, рассказанной И. Дементьевым на китайском языке, опубликован в работе: Кляус В.Л. «Ты меня хочешь замуж? Надо мне кого – платье купить!» (об одном семейном предании китайских русских Трёхречья, КНР) // Традиционная культура. Научный альманах. 2016. № 3 (63). С. 88–99.

⁴ Кляус В.Л. «Русское Трёхречье» Маньчжурии. Очерки фольклора и традиционной культуры. М., 2015. С. 176–186.

⁵ Толстой Н.И. Каков облик дьявольский? // Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 252.

⁶ Панченко А.А. Мертвецы: «добрые», «злые» и непонятно какие // Отечественные записки. 2013. № 5 (56). С. 135–143.

⁷ По обычаю, для покойника на кровати мастерили деревянный настил.

⁸ Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск, 1987. С. 275. Текст № 395 записан в 1978 г. от Екатерины Афанасьевны Вологжиной, 1898 г. р., неграмотной, с. Аталанка Усть-Удинского р-на Иркутской обл.

⁹ Толстой Н.И. Жизни магический круг // Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 232–233.

¹⁰ Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. М., 1995.

¹¹ Забияко А.П. Религия славян // История религии. В 2 т. Т. 1. М., 2002. С. 259, 280.

¹² Сны и видения в народной культуре. Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты. М., 2001.

¹³ Греков Б.Д. Киевская Русь. М.; Л., 1944. С. 326.

¹⁴ Тан Гэ. Элосы вэньхуа цзай чжунго: жэньлэ суйюй лишисюэ дэ яньцзю (Русская культура в Китае: исследование антропологии и истории. Харбин, Бэйфан вэньи чубаньшэ, 2010; Чжан Сяобинь (ред.). Нэймэн гу элосыцзю (Русская национальность во Внутренней Монголии) / Кол. авт., ред. Чжан Сяобиня. Хулунбуэр: Литературное издательство «Внутренняя Монголия», 2015. С. 126–127; Лян Чжэ. Православие в контексте современного российско-китайского взаимодействия (1949–2015 гг.). М., 2016.

¹⁵ Лян Чжэ. Православие в контексте современного российско-китайского взаимодействия (1949–2015 гг.). М., 2016. С. 124.

References

1. Liang Zhe. *Pravoslavlje v kontekste sovremennogo rossijsko-kitajskogo vzaimodejstviya (1949–2015 gg.)* [Orthodox in Terms of the Modern Interrelations between Russian and China (1949–2015)]. Moscow, 2016, p. 128.
2. Klyaus V.L. *Traditsionnaya kul'tura. Nauchnyy al'manakh* [Traditional Culture. Scientific Almanach]. 2016, no. 3 (63), pp. 88–99.
3. Klyaus V.L. «*Russkoe Tryekhrech'e*» *Man'chzhurii. Ocherki fol'klora i traditsionnoy kul'tury* [Russian Trekhreche in Manchuria. Outlines of Folklore and Traditional Culture]. Moscow, 2015, pp. 176–186.

Антропология религии

4. Tolstoy N.I. *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike* [Language and Folk Culture. Outlines on the Slavic Mythology and Ethnolinguistics]. Moscow, 1995, p. 252.
5. Panchenko A.A. *Otechestvennye zapiski* [Patriotic Notes]. 2013, no. 5 (56), pp. 135–143.
6. *Mifologicheskie rasskazy russkogo naseleniya Vostochnoy Sibiri* [Mythological Stories of the Russian Population in Eastern Siberia]. Ed. by V.P. Zinovyev. Novosibirsk, 1987, p. 275.
7. Tolstoy N.I. *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike* [Language and Folk Culture. Outlines on the Slavic Mythology and Ethnolinguistics]. Moscow, 1995, pp. 232–233.
8. Zelenin D.K. *Izbrannye trudy. Ocherki russkoy mifologii: Umershie neestestvennoyu smert'yu i rusalki* [Selected Works. Outlines on the Russian Mythology: The Dead of Unnatural Causes and the Mermaids]. Moscow, 1995.
9. Zabayko A.P. *Istoriya religii* [History of Religion]. Moscow, 2002, vol. 2, pp. 259, 280.
10. *Sny i videniya v narodnoy kul'ture. Mifologicheskiy, religiozno-misticheskiy i kul'turno-psikhologicheskiy aspekty* [Dreams and Visions in Folk Culture. Mythological, Religious and Mystical, and Cultural and Psychological Aspects]. Moscow, 2001.
11. Grekov B.D. *Kievskaya Rus'* [Kievan Rus]. Moscow, Leningrad, 1944, p. 326.
12. Tang Ge. *The Russian Culture in China: Anthropological and Historical Research*. Harbin, Beifang Wenyi Chubanshe, 2010 (in Chinese).
13. *The Russian Nation in Inner Mongolia*. Ed. by Zhang Xiaobin. Hulunbuir, "Vnutrennyaya Mongoliya" Publ., 2015, pp. 126–127 (in Chinese).
14. Liang Zhe. *Pravoslavie v kontekste sovremennogo rossiysko-kitayskogo vzaimodeystviya (1949–2015 gg.)* [Orthodox in Terms of the Modern Interrelations between Russian and China (1949–2015)]. Moscow, 2016.
15. Liang Zhe. *Pravoslavie v kontekste sovremennogo rossiysko-kitayskogo vzaimodeystviya (1949–2015 gg.)* [Orthodox in Terms of the Modern Interrelations between Russian and China (1949–2015)]. Moscow, 2016, p. 124.